
18+
Дхараадхара Дас
Откровения Йога
Из тьмы к свету

Дхараадхара Дас

Откровения Йога. Из тьмы к свету

«Издательские решения»

Дхараадхара Дас

Откровения Йога. Из тьмы к свету / Дхараадхара Дас — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961069-0

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Жизнь — это выбор. Каждый человек сам выбирает быть счастливым или несчастным, идти к свету или жить во тьме. Но рано или поздно для каждого настанет момент осознания смысла собственной жизни. Этот смысл нельзя найти во тьме, он является просто любовью.

ISBN 978-5-44-961069-0

© Дхараадхара Дас
© Издательские решения

Содержание

Откровения йога 6
Детство 7
Тюрьма 9
Свобода 11
Опять тюрьма 13
Опять свобода 16
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Откровения Йога
Из тьмы к свету

Дхараадхара Дас

© Дхараадхара Дас, 2019

ISBN 978-5-4496-1069-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Откровения йога

Что такое наша жизнь? Куда мы идём и идём ли правильно? Есть ли Бог и если да, то тогда кто мы для Него? А если нет, то есть ли тогда смысл в нашей жизни которая закончится физической смертью тех, кого мы любили, кого оберегали и в конце концов нас самих. Пропадём ли мы в небытие в тот момент, когда перестанет биться наше сердце или этот момент великое благо, переход из небытия в настоящую жизнь, о которой мы только можем догадываться. Где правда, а где ложь в современном мире? Что такое любовь и есть ли в ней смысл? Подобных вопросов можно написать книжку, и есть огромное количество книг, которые дают ответы на эти вопросы. Ответы есть, но нету доказательств что эти ответы правильные. Вот тут мир делится на две половины: те, которые не верят, потому что доказательств нету и те, кто верит, просто верят и всё, без доказательств, они знают, что есть любовь, справедливость, честность, доброта и все добродетели, а над ними БОГ, который вечно любит и вечно нас ждёт. Я отношусь ко второй части человечества, а эта книга о том, как я нашёл доказательства существования Бога. К сожалению эти доказательства никогда не смогут быть предъявлены широкой публике, так как они не материальны, как и сам Творец. Эти доказательства очень весомы для меня и для любого человека кто верит, но они ничтожны для тех людей, которые только увидев Бога, поверят в Его существование. Доказательства эти – события, которые происходили в моей жизни и благодаря которым моё сердце пылает безусловной любовью ко всему живому на планете, к своему Гуру и к Богу.

Детство

Моё бренное тело появилось на свет 24 марта 1982 года, в городе Рига, в обычной советской семье. В Советском Союзе никто не строил взаимоотношение с Богом, все строили коммунизм. Строить взаимоотношение с Богом в тот период времени в СССР было не только антиобщественно, но и опасно. По этой причине, возможно и по ряду других причин, мои родители не отличались набожностью и соответственно мне никто не пытался привить веру в Творца, никто не обучал молитвам и не рассказывал историй из священных писаний. «Моя первая священная история» – книга, название которой говорит само за себя, была мной прочитана лет в десять, примерно в этом же возрасте меня крестили в Православие.

Семья моя была самой обычной, что нельзя сказать про меня самого. С раннего детства я не ел мясо и рыбу. Для моей мамы это была большая проблема, так как в то время вегетарианство было редким явлением и продуктов на прилавках магазинов не было с избытком. Эту проблему пытался решить мой отец, через разговоры и наказания, но без результата. Позже с моим вегетарианством пытался справится мой тренер по борьбе, у которого были более эффективные рычаги воздействия на меня. Но не тысячи отжиманий, не сотни километров бега, не заставили меня съесть ни кусочка мяса.

Я помню, что в детстве я был очень ранимым ребёнком, меня было легко обидеть и довести до слёз. Как часто бывает в семьях где растут два мальчика, мой старший брат меня часто обижал дразнил и бил, когда я старался отвечать, но разница в возрасте трёх лет не позволяла мне дать ему сдачи. Мне оставалось только реветь, терпеть и жаловаться родителям, что не всегда помогало.

Вся наша семья делала украшения из янтаря и не плохо зарабатывала, поэтому по советским меркам мы жили в достатке, в большой квартире, летом снимали большой дом на море и там все работали. Я тоже принимал участие в семейном бизнесе и выполнял мелкие работы по мере моих детских возможностей.

Когда развалился СССР, я ходил во второй класс и был октябрёнком. Вместе с развалом большой страны и отделением Латвии от неё, наш семейный бизнес постепенно пошёл на убыль и в финансовом плане для нашей семьи начались не лёгкие времена. Мне как ребёнку не пришлось как следует прочувствовать этот момент, что, наверное, нельзя сказать про моего отца с матерью.

В том же году я начал заниматься борьбой и очень хорошо помню тот день, когда я связал свою жизнь со спортом. Я учился во втором классе, когда на уроке физкультуры в зал зашёл коренастый мужчина. Учитель физкультуры нам сказал, что это тренер по борьбе. Ни слова не говоря я пошёл через весь зал прямо к тренеру и сказал, что я хочу заниматься борьбой. На тот момент такое поведение было не свойственно мне, так как я был довольно скромным ребёнком и мне тяжело было иди на контакт с незнакомыми людьми. Но то, что меня тянуло к тренеру, было выше моих комплексов и стеснений, словно перестал работать мозг и я сделал движения, которые сильно повлияли на мою жизнь и на становление моей личности. Каждодневные тренировки влились в мою жизнь, и начали превращать мягкого, легко ранимого и плаксивого ребёнка в юношу, который на обиды начинал отвечать ударами и бросками.

В середине девяностых годов мои родители организовали бизнес и начали возить трикотаж в Россию, поэтому подолгу отсутствовали дома, оставляя нас с братом одних.

В пятом классе я потерял интерес к учёбе. Я мог учится очень хорошо, но абсолютно не было желания познавать алгебру, геометрию, физику и прочие предметы в которых я не видел смысла. Интерес оставался только к борьбе и гулянию по улицам. Как результат в 7 классе меня хотели исключить из средней школы за отвратительное поведение на уроках, но благодаря слезам и уговорам моей мамы, всё таки не исключили, а оставили числится,

но на домашнем обучение. Это значило что ко мне домой два раза в неделю приходили учителя, но занимались мы не каждый раз, так как часто я им просто не открывал дверь. Каким-то чудом я получил табель о завершение девяти классов и всё что во мне из школы осталось – это умение читать и писать, за что я школе сильно благодарен.

Родители мои, очень добрые и мягкие люди, нас со старшим братом практически никогда не наказывали, не держали в ежовых рукавицах, и мы были относительно свободны своего выбора, за что я им безмерно благодарен. Благодарен я им за то, что не заставляли меня учится и засорять мой молодой мозг лишней информацией, которая мне была абсолютно не нужна. Благодарен я своим родителям за их любовь, которую они поселили в моё сердце. Ведь ребёнок которого любят, вырастит нравственным человеком, а нравственный человек, сам подгонит под свою нравственность культурный уровень. Благодарен я своим родителям за то, что они поддерживали мои занятия спортом, потому что только спорт до последнего удерживал меня перед улицей.

Когда родители были в отъезде у нас дома часто собирались большие компании брата друзей, которые мне сильно не нравились, особенно если мне надо было рано вставать на соревнования или тренировку. Я помню, как меня вытаскивали ночью из кровати что бы побороться со мной или просто помучить. Я плакал, дрался психовал, но ничего сделать не мог. Иногда, когда в наших драках с братом я каким-то образом ухитрялся ему сильно врезать или завалить, мне приходилось убегать из дома, до тех пор, пока не вернутся родители, потому что последствия могли быть больными. Пропадая сутками на улице без денег, начали появляться лёгкие заработки, мелкие кражи в магазинах, потом из машин и игровых автоматов. Жизнь стала уличной и я стал выходить из под контроля родителей, отчасти из-за частого их отсутствия дома, отчасти из-за моего отсутствия дома.

Единственное что меня до последнего дисциплинировало, это занятия спортом и мой тренер, которого я боялся и который меня за уши вытаскивал с улицы и волок в зал. Но всему приходит конец и с борьбой мне тоже пришлось распрощаться весьма не приятным, но очень поучительным образом. Шёл 98-й год, в котором проводились юношеские олимпийские игры и проходил отбор. Все кто становились чемпионами Латвии, ехали на олимпийские игры. Наша команда участвовала в соревнованиях по греко-римской борьбе, в которых я занял второе место, а затем по вольной. В решающей схватке я одерживал победу 3—2. Мой тренер прокричал:

– Осталось десять секунд. Держись!

Десять секунд. Они прозвучали для меня как победа и перед моими глазами появились олимпийские игры, я разогнулся уверенный в победе и моему сопернику этого было достаточно что бы пройти в ноги и сделать бросок на 2 бала. В итоге я проиграл, рухнули мечты об олимпийских играх. Я был сильно зол на своего тренера. Ведь если бы он тогда не крикнул что осталось десять секунд, я бы просто продолжал схватку в том же темпе и одержал победу, но этому не суждено было случится. На тот момент я не понимал, что это был последний урок моего тренера. Я очень сильно переживал это поражение и в мою кровь впиталось осознание, что я должен всегда бороться до последнего, в любой ситуации, до последней секунды, потому что в самый последний момент Господь нам может подать руку и вытащить из пропасти, в которую мы летим. Даже если ситуация кажется безнадёжной, всегда остаётся шанс что она может изменится и вера в этот шанс увеличивает его в разы.

Тюрьма

После последних соревнований в которых я одержал роковое поражение, моё увлечение спортом пошло на убыль. Ещё больше времени я стал уделять улице и как результат в моей жизни начали появляться наркотики.

Когда я последний раз посетил тренировку, после двух недельного употребления амфетамина, тренер сразу загнал меня на весы. За две недели я похудел на 11 килограмм. С 76 до 65 кг, за две недели, в 16 лет. О дальнейших тренировках речи идти не могло.

Пропал пыл к спорту и появился больший интерес к наркотикам, которые стали через чур доступны в 98—99 годах. В это период времени кто-то разбрасывал героин килограммами, в результате чего началась волна наркомании, которая унесла тысячи молодых жизней. Конечно те, кто находил эти килограммы радовались, но мало кто из них выжил или остался в светлой памяти.

Ксчастью мне не дали возможности во всех прелестях почувствовать героиновую зависимость и жизнь гопника. В начале весны 1999 года, героиновая волна в Риге была в самом разгаре и молодые парни, не успевшие ещё обрасти щетиной и повзрослеть, уходили из жизни один за другим. У меня были все шансы вступить в их ряды, но судьба распорядилась иначе и освободила меня от этой чумы, весьма своеобразным и жёстким способом.

Мы с друзьями стояли на лестничной клетке, под кайфом или в ожидание кайфа. В одну из квартир зашли сантехники и сразу пошли в ванную комнату вместе с хозяевами, не закрыв за собой дверь и она осталась открытой на распашку. Вдвоём с товарищем мы спустились на один пролёт ниже и я заглянул в коридор квартиры. На тот момент у меня уже появились вороватые привычки и особенно они проявлялись в компании. В коридоре висела дублёнка, она сразу попала в мой ракурс и была быстро прибрана к рукам. Я не мог знать, что из квартиры напротив, в глазок на меня смотрит свидетель преступления, который конечно на меня донёс, как только на место прибыла полиция. Только потом я узнал, что он не может быть свидетелем, так как являлся душевно больным человеком, но когда я об этом узнал, я уже сидел в тюрьме для малолетних преступников и поздно было перекручивать плёнку назад.

Героиновая ломка для меня прошла довольно мягко. Можно сказать что мне повезло и в кпз один добрый сокамерник дал мне несколько таблеток клоназепема, поэтому проснулся я только в карантине тюрьмы, не понимая где я и как меня успели перевезти.

Исправительное учреждение, которое делает из молодых парней потенциальных преступников, которое никого не исправляет, а только калечит судьбы подростков, убивает их в прямом смысле слова. Делает злыми, агрессивными и не поддающимися никакому воздействию со стороны педагогов и родителей. Условия содержания в тюрьмах Латвии, как и на всём пост советском пространстве, не направленны на защиту заключённых от самих заключённых и надзирателей, не защищаются там права и то что у тебя есть на что-то право, приходится доказывать самому, своим сокамерникам.

Когда я только попал в камеру, она выглядела совсем не такой, какой я себе представлял тюремные казематы. Это было светлое чистое помещение, на меня смотрели вполне детские и приятные лица, которые не выглядели заключёнными, а скорее из детского лагеря. Вскоре я узнал, что по тюремным законам, заключённый который первый раз попадает в тюрьму, сорок дней является мясом. Не буду вдаваться в подробности что это значит, скажу лишь то, что это целый спектр физических и моральных воздействий, для укрепления духа и тела заключённого и на тот преиод, когда человек является мясом на малолетке, ничего положительного с ним не происходит.

После мясного периода началась относительно спокойная жизнь, но не на долго. Из камеры увели одного заключённого, который готовил еду для трёх семейников колорые

были у руля, то есть сокамерников, которые жили семьёй, для собственной безопасности и лёгкости пребывания за решёткой и руководили всеми процессами в камере. Их взгляд упал на меня, как на потенциального повара для них. Естественно, что меня такая роль не устраивала и пытался отстаивать свою независимость, но это никого не интересовало и меня начали бить. Били руками, ногами, тумбочками и ещё чем-то тяжёлым. Я помню, что у меня мелькнула мысль: почему я не вырубаюсь? Ведь когда я сам бил, как-то всё происходило быстрей. Я понял, что если я не соглашусь, то меня убьют или сделают инвалидом и сработал инстинкт самосохранения.

В тюремных условиях питание оставляет желать лучшего и моё вегетарианство растворилось в голоде. Я начал есть сало, курицу и другие мясные продукты, которые изредка могли передавать родители заключённым. Там мне совершенно не казалось, что у мяса есть привкус тухлятины.

В конце лета 1999 года, когда солнце радовало глаза исключительно через решётку, и то что где-то слышен шелест листьев и пение птиц, можно было понять только по верхушкам деревьев, зеленеющих где-то вдалеке за забором, к нам в камеру завели двух цыган, которые сказали, что хотят сидеть вместе с нами. Это было довольно странно, так как цыгане обычно сидят в отдельных камерах. Наши подозрения вскоре оправдались. Один из цыган помочился в кружку, а другой достал нож и вместе они заявили, что сейчас заберут все вещи которые им понравятся и уйдут. Для не посвящённых читателей добавлю, что по тюремным понятиям, если, моча заключённого попадёт на другого заключённого, то тот становится опущенным, то есть он падает в самый низ тюремной иерархической лестницы и подняться он уже никогда не сможет. Поэтому к этим ребятам подходить было опасно. К счастью, или не счастью, у нас в камере сидел один опущенный, который схватив простыню самоотверженно бросился на цыган. Моча разлилась, а нож никого не пугал и вся камера, дружно бросилась бить цыганят. Били долго и всем что попало под руку. В свалке и мне по голове прилетела тумбочка, назначавшаяся дерзкому цыгану. Закончилась бойня только тогда, когда в камеру ворвался тюремный спецназ и бить начали всех, профессионально, дубинками и ногами, до самого карцера.

Карцер собой представлял бетонную коробку, три метра на два, по середине бетонные пеньки, что бы заключённый не мог ходить, железная кровать с деревянными досками, пристёгивалась к стенке, что бы заключённый не мог днём сидеть. Там мне предстояло провести десять суток.

Свобода

На третий день, когда тело начало переставать ныть от побоев надзирателей, а в сознание начало появляться признаки умопомешательства, дверь распахнулась и властный голос приказал:

– На выход!

Уставший и подавленный, я с радостью повиновался.

«Простили», – первое что подумал я.

Когда меня вели по коридорам, и одну за другой открывали двери, выдали вещи которые забрали при аресте, я не понимал что происходит. Когда я подписывал какие-то бумаги, мне начало казаться это странным, но когда я оказался на улице, ярко светило солнце доставляя боль глазам, от свежего воздуха закружилась голова, а на встречу через дорогу ко мне шёл мой отец с распростёртыми объятиями, и я понял:

«Не простили. Освободили!»

Пол года в тюрьме для малолетних преступников, сделали меня резким, не примиримым к любым посягательствам на своё пространство. На любые попытки наезда со стороны окружающих на моё огромное я, ответ был агрессией или ударами. Мне было без разницы кто стоит передо мной и какой величины, если он был не прав, то должен был ответить.

Когда я увидел спустя пол года своих товарищей, с кем вместе вырос во дворе, в школе и потом вместе курили травку, а затем начинали колоться героином, я понял что мне с ними не по пути. Те, кто выжили в этой героиновой свистопляске, превратились в зомби, а те, кого посадили, как и меня, тем повезло.

Парень с кем вместе мы были, когда я украл дублёнку, чьё имя из меня пыталась безуспешно выбить полиция, как и многие, лежал в деревянной коробке глубоко под землёй. Я мог спасти ему жизнь, если бы сказал сдал его имя. Я этого не сделал и его имя написал гравёр на гранитной плите. Но если бы я его сдал, то не известно вышел бы я с малолетки. Там таких поступков не прощают.

После освобождения удачно подвернулась работа на металл литейном производстве, за очень приличную зарплату. Я не хотел идти работать, но из чувства любви и признательности к своим родителям, я не мог не пойти. Я понимал сколько мама настрадалась из-за меня, как переживал отец и чего им стоило вытащить меня из тюрьмы. Поэтому я решил начать новую жизнь и она сильно отличалась от той, из которой я вынырнул в тюрьму. В ней я понял, что такое тяжёлая физическая работа. Она изнуряла тем, что работать приходилось в ночную смену по двенадцать часов и с двумя тремя выходными в месяц. Деньги платили хорошие и поэтому жаловаться не приходилось.

На тот момент мы уже жили на другом районе, так как во время дефолта 1998 года, наша семя потеряла очередной бизнес и после этого квартиру.

В редкие выходные дни я покупал амфетамин или экстезин и пропадал на дискотеке. Потом я стал выдумывать болезни и пропадать ночами на дискотеках. На работу хотелось ходить всё меньше и меньше и в конце концов, на одной из дискотек я свалился с лестницы и получил травму копчика из-за которой работать я дальше не мог. Зато вспомнились старые, воровские навыки и появились новые, более хитрые способы наживы. Работы не было, а страсть к танцам, алкоголю, наркотикам и девочкам осталась и её надо было содержать.

На новом месте я долго не мог прижиться. Если на родном районе все друг друга знают, знают кого можно трогать, а кого лучше обойти стороной. То на новом месте приходилось часто доказывать своё право ходить там, где хочется и когда хочется. Не успевали заживать раны на руках, а там уже появлялись новые. Столько драк и стычек в моей жизни ещё не было и одному Богу известно сколько людей отправилось на тот свет в этих потасовках. А всё

ради чего? Ради эго. Не моего, так другого. Очень часто случалось, что приходилось отстаивать интересы других людей, честь других людей, справедливость. Но способы были далеки от гуманных.

Опять тюрьма

В конце зимы 2002 года, гуляя с товарищем вечером по старой Риге, мы выпивали и находились в хорошем расположение духа. Закончились сигареты, и по пути в магазин мы спросили сигаретку у прохожего. В ответ мы услышали:

– Kojums, cigaretes, krievucukas? (Что вам сигарету, русские свиньи?)

На такие слова кровь вскипела моментально, и мы жестоко наказали национально озабоченного мужчину. Через несколько часов нас арестовали за грабёж с разбоем, того самого националиста. Так я второй раз оказался за решёткой и меня судьба снова отгородила от самого себя, от своих зависимостей, эго и распущенного образа жизни.

Две недели я провёл в КПЗ, из них неделю один. За это время я морально измотался и уже хотел, чтобы скорее перевели в тюрьму, а когда это произошло, была пятница и в камеру нас не поднимали, поэтому пришлось три дня сидеть в карантине. Там не было окон, только решётки через которые залетал сквозняк вместе со снегом и люди на морозе прижималисьдруг к другу, закутывались в матрасы и одеяла. От чифира и сигарет крутило желудок и тошнило.

Когда меня перевели в камеру где уже сидело 20 человек, я был в восторге. Я никогда не мог себе представить, что буду радоваться тому что меня заведут в тюремную камеру и я смогу спокойно лечь на жёсткий матрас, накрыться не свежим одеялом, положить голову на скомканную подушку и спокойно уснуть, не боясь замёрзнуть или быть раздетым.

За пару дней я начал себя чувствовать значительно легче и почти отошёл от КПЗ и карантина, а на третий день к нам в камеру нагрянул обыск и отыскали доблестные стражи у нас телефон. Я помню довольное лицо охранника, который выходил из камеры крутя перед собой найденный телефон и своё чувство досады по этому поводу. Мне так хотелось вечером позвонить своей любимой девушке, а этот довольный находкой мент, забрал у меня такую маленькую радость, и я не выдержал, выхватил у него телефон из рук, разбив его со всей силу об стенку. Под аплодисменты зеков и мат охраны, моя голова начала открывать двери до самого карцера.

До этого мне казалось в КПЗ плохо и хотелось, чтобы быстрее перевели в тюрьму. В карцере я бы дорого отдал за то, чтобы вместо него, меня посадили в КПЗ. Комната полтора метра на два, нары, представляли собой бетонное возвышение и на нём доски, в углу вонючая не мытая параша. Вещи только те что были на мне, не одеяла, не подушки и матраса. В этой обстановке мне предстояло прожить 10 суток. Вроде не много, но если учесть что из развлечений были только стены, такие же заключённые за ними и я сам, психически вымотанный и уставший, то мне этого было достаточно. В какой-то из этих дней у меня был юбилей, исполнялось 20 лет и мой товарищ, прибывавший тоже в этой тюрьме, узнал, что я нахожусь в карцере, прислал через рабочих тортик и клоназепам, транквилизаторы, которые пользуются у заключённых популярностью. Съев их несколько штук, можно проспать пару суток и ещё пару суток пробыть в полу сознание. Отличный способ скоротать время. На стенках я выцарапывал стихи, которые помнил, дни которые провёл там и тихонечко сходил с ума. Из общаковых камер присылали сигареты, которые хитрым способом передавались по всем карцерам, и которые были запрещены в изоляции, но никого это не волновало что могут добавить несколько суток если найдут. Удовольствие покурить было выше самосохранения. Когда оставался один день карцера, дверь открылась, затем решётка и я раскатил губу что меня выпускают раньше времени, но ошибся. Пришли с обыском и нашли запрещённые сигареты, спички и добавили пять дней карцера. Я объявил голодовку, стал требовать, чтобы мне принесли вещи, одеяло, подушку, книги. В ответ услышал только смех и заявление, что в карцере голодовка не считается. Пять дней я ничего не ел. На 14 сутки со мной случился нервный срыв. Я стал биться головой об стенки пытаясь вырубить себя, разбил голову об решётку и свалился,

впав в полуобморочное состояние и только на следующий день, с помощью охраны я поднялся и меня перевели обратно в камеру.

Там меня встретили радушно и с уважением за мой поступок, но не смотря на хорошее отношение сокамерников, я не мог оправиться, замкнулся в себе и был полностью подавлен. Время для меня стало отчислятся письмами от любимой девушки, которая писала, что любит меня и будет ждать сколько понадобится. Она меня вдохновляла и окрыляла. Я не о чём не мог думать, только о ней. Не смотря на то что сокамерники меня пытались вытащить из состояния закрытости и предупреждали что жить только девушкой в тюрьме опасно для психики, я ничего не мог с собой поделать. После нервного срыва моё сознание нашло отдушину и за неё держалось. Спустя пару месяцев, я получил от неё письмо, совершенно неожиданное, что она встретила любимого человека и у них скоро будет свадьба, хотя в письме до этого она мне клялась в вечной любви. Мир, в котором я жил последнее время рухнул и я понял, что в моей жизни больше нету смысла. Я стал продумывать как мне лучше покончить с собой, вскрыть вены или повесится ночью, пока все спят, а чтоб наверняка, вскрыть вены и повесится. Я дождался пока все уснут, залез на стену, которая закрывала туалет и душ, просунул заготовленную верёвку в дырки вентиляции, накинул её на шею, достал лезвие и уже собирался полоснуть себя по руке, но взгляд упал на Библию, которая лежала у сокамерника на полке. Я замешкался. Появилось не понятное состояние страха, которое подавило моё желание лезть в петлю и мелькнула мысль: зачем я живу? Разве ради любимой, которой больше нету?

На следующий денья уже читал ту самую Библию, которая отвлекла меня на доли секунды и спасла от самого себя. Она затянула меня в другой мир, в мир познания, в котором не существовало ничего что было вокруг. У меня появилось сильное увлечение, которое вытянуло меня из глубокой депрессии и я радовался, что в тюрьме хорошая библиотека.

Расставание с любимой понемногу ушло на второй план, постепенно затихло душевная боль и я старался как можно реже вспоминать бывшую девушку, что бы не ворошить ещё свежую рану.

Уйдя с головой в литературу, я слишком сольно увлёкся философией и мой мозг был перегружен тяжёлой информацией. Начала появляться угроза интоксикации мозга и помимо этого, я охотно делился прочитанной информацией с окружающими. С начала для сокамерников это было интересно. Всегда приятно развить умную тему и побеседовать. Но это стало слишком настырно с моей стороны, и окружающие начали избегать моих надоедливых бесед. Соответственно я начал надумывать себе причины такого поведения и снова закрываться в себе. Это начало грозить психическим расстройством. Спас один из сокамерников, предложив почитать литературу полегче и разгрузить свой мозг. Это помогло и я быстро вышел из параноидного состояния.

Прошло одиннадцать месяцев моего заключения. Приближалась дата суда. Судья был известен и сокамерники застращали меня беспринципностью и жестокостью судьи, особенно за такое преступление как у меня. Я стал готовится за две недели в надежде что могу что-то изменить, сказать что-то, что смягчит приговор и может быть в ближайшие несколько лет я окажусь на свободе.

В процессе суда прокурор запросил 6 лет тюрьмы мне и 6 лет подельнику. Настало время последнего слова и я начал говорить. Не помню, что я говорил и почему не сказал то что хотел. Как будто ко мне подселилась какая-то сущность и говорила вместо меня, совершенно не свойственные мне на тот момент вещи. Моё сознание не находилось на том уровне о чём я говорил, но когда я закончил, не плакал толькопрокурор, судья, потерпевший и мой подельник. Для последнего слова поднялся мой подельник и когда он открыл свой рот, мои надежды начали таять вместе с каждым его словом. Я полностью разделял его слова на счёт не справедливости современной судебной системы, на счёт плохого содержания заключённых в тюрьмах и обращения охраны, на счёт не объективного расследования и многого другого что было им

высказано не в цензурной форме, в адрес суда, присяжных, полиции и всех присутствовавших представителей власти. Я полностью разделял его взгляды, но это был не самый подходящий момент для того что бы высказывать своё мнения в такой форме суду и призяжным. Когда нас удалили в бокс для ожидания приговора, не было конца брани с моей стороны в его адрес. Я был в негодование! Я ревел от ярости и злобы! В тот момент когда надо кается, когда от наших слов зависит наша дальнейшая судьба и надо показать что время проведённое за решёткой повлияло на нас и изменило, он поднимается и поливает всех представителей власти матом, показывая тем самым что он не подчинится этой системе что бы они не делали. Я понимал, что скорее всего, то что запросил прокурор, шесть лет лишения свободы, это минимум что мы получим. За те четыре часа мучительных ожиданий, я первый раз в жизни я почувствовал, что пространствоматериально и его можно почувствовать. Обстановка настолько накалилась, что я физически мог потрогать воздух руками, который стал густой от накала эмоций.

Опять свобода

Спустя четыре часа мы стояли перед судом в мучительном ожидание. По шесть лет лишения свободы, это минимум что мы могли получить, я молил что бы не добавили больше. Судья начал читать приговор и наконец прозвучала решающая нашу судьбу фраза:

– Шесть лет лишения свободы, – он сделал паузу, во время которой у меня внутри всё сжалось, и посмотрел на нас, – условно, с испытательным сроком три года.

Я почувствовал неземное облегчение, ноги подкосились и я обмяк на скамейку.

Суд закончился, присяжные начали вставать, вместе с ними поднялся судья и обратился к моему подельнику со словами:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.